

Филатова Д. А. Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница» / Т. С. Филатова, С. А. Ларин // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 213—222. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-213-222.

Filatova, D. A., Larin, S. A. (2018). Gun, pistol and daggers in the drama of A. N. Ostrovsky "The Dowerless Bride". *Nauchnyy dialog*, 7: 213-222. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-213-222. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Бесприданница7Островский
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-213-222

Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница»

© **Филатова Дарья Александровна (2018)**, orcid.org/0000-0002-2399-7451, магистр кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), filatova-darya2004@yandex.ru.

© **Ларин Сергей Алексеевич (2018)**, orcid.org/0000-0002-2810-3509, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), larin-s@yandex.ru.

Рассматривается комплекс «оружейных» мотивов в драме Островского «Бесприданница». Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, раскрывающих семантику указанных элементов художественного мира драматурга. Новизна исследования видится в том, что оружейные мотивы в пьесе «Бесприданница» анализируются системно, с учетом их функционирования в других текстах Островского. Особое внимание уделяется эпизодам пьесы, в которых оружейные мотивы представлены наиболее концентрированно и прямо включены в развитие основного сюжета — несчастной любви и гибели главной героини. В ходе проведенного исследования было установлено, что большинство рассматриваемых в драме мотивов обладают уникальной семантикой и не встречаются в других произведениях Островского. Как показал анализ драмы «Бесприданница», ключевые персонажи пьесы, виновные в смерти Ларисы Огудаловой, сопряжены одновременно с несколькими оружейными мотивами: Паратов — пушка и пистолет, Карандышев — топор, пистолет, кинжал, а финальный жест героини, поднявшей брошенный ее убийцей пистолет, — знак ее причастности к собственной гибели, указание на ее готовность разделить ответственность. Авторы приходят к выводу о том, что интерпретация оружейных мотивов позволяет значительно расширить существующее представление о поэтике и характерологии одной из самых известных пьес Островского.

Ключевые слова: Островский; драматургия; «Бесприданница»; мотив оружия; пистолет; кинжал; убийство; суицидальное поведение.

1. Введение

Мотив оружия можно обнаружить в целом ряде текстов Островского, и в большинстве случаев он оказывается связан либо с любовным [Андреев, 1995], либо с «батальным» сюжетом. При этом само оружие (пистолеты и револьверы) герои используют крайне редко: если не считать исторических произведений драматурга, рассказывающих о каких-либо значимых событиях в жизни русского государства и содержащих «военные» сцены, то из пистолета стреляют только в комедии «Горячее сердце». Чаще всего персонажи или угрожают оружием («Красавец-мужчина», «Лес», «Бешеные деньги», «На бойком месте», «Тушино»), или хотят использовать его для самоубийства, правда, крайне редко предполагая это сделать всерьез («Трудовой хлеб», «Лес», «Бешеные деньги», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «Таланты и поклонники», «Поздняя любовь», «Последняя жертва»).

На этом фоне выделяется драма «Бесприданница», где «холодное» и «огнестрельное» оружие не только упоминается чаще, чем в каком-либо другом тексте Островского, но и становится активным участником событий.

Мотив оружия появляется лишь в 8-ми из 44-х явлений пьесы, однако при этом, как представляется, он играет важную, если не определяющую, роль для понимания не только характеров центральных — особенно мужских — персонажей пьесы, с которыми оказывается прямо сопряжен [Костелянец, 2007], но и в целом послания, адресованного Островским своему читателю. Неслучайно в финале Лариса становится жертвой именно рокового выстрела Карандышева [Кислова, 2011].

Между тем в исследованиях, посвященных «Бесприданнице», «оружейные» мотивы рассматриваются крайне редко и в большинстве случаев изолированно друг от друга [Журавлева и др., 1986; Мильдон, 2007; Отрадин, 1988; Ревякин, 1974; Холодов, 1967; Штейн, 1973]. В сферу внимания ученых не всегда попадает даже эпизод гибели главной героини [Мильдон, 2007].

2. Пушка

Впервые мотив стреляющего оружия, палящей пушки возникает уже во втором явлении первого действия. Ожидающие приезда одного из своих самых щедрых клиентов, Гаврило и Иван рассказывают Кнурову и Вожеватову о традиции, которая устойчиво ассоциируется с именем «блестящего барина» Паратова: «Это Сергей Сергеич едут <...> У них тут свои баржи серед Волги на якоре <...> Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, всегда палят» [Островский, т. 5, с. 10].

Пушка символизирует материальный достаток, а также силу и власть Паратова — мотив, впервые использованный Островским в пьесе «Горячее сердце», в рассказе о *диковинах* разбогатевшего подрядчика Хлынова, который, потакая своим *прихотям*, «пушку купил» [Островский, т. 3, с. 88]. И всякий раз, как он «пьет стакан», пушка стреляет, «чтобы все знали, какая честь ему передо всеми» [Островский, т. 3, с. 88].

Выстрелы из пушки в «Бесприданнице» являются сигналами, оповещающими жителей города о появлении столь важной персоны (традиция, появление которой на Руси связывают с именем Ивана Грозного), а также свидетельствуют о превосходстве, «доминантности» Паратова и, вероятно, призваны подчеркнуть еще и его мужскую состоятельность.

Неслучайно вполне однозначно прочитывают ситуацию те, кто вынужден особенно хорошо разбираться в специфике коммуникативного поведения господ: Иван и Гаврило называют по крайней мере десять «примет», позволяющих им утверждать, что в Бряхимов едет именно Паратов.

Но выстрел из пушки в начале первого действия драмы — это еще и знак угасающего величия Паратова, символ его холостой, вольной жизни, с которой герой намерен расстаться в ближайшее время. Ведь после продажи последнего парохода и оставшихся у него барж он превратится в «сухопутного» человека.

Закономерно, что выстрелы из пушки (как сигналы из враждебного мира) крайне негативно воспринимает небогатый чиновник Карандышев, для которого это не только чуждая ему барская забава, но и больно бьющее по самолюбию свидетельство его собственной неполноценности — и финансовой, и социальной, и гендерной.

Не без скрытого раздражения оценивают подобный «салют» и приятели-соперники [Немцев, 2005] Паратова — купцы Кнуров и Вожеватов. Для них такое поведение «барина» также неприемлемо, но по другим причинам. Оно бьет по их самолюбию, ведь они могли бы позволить себе и более «изысканный» способ продемонстрировать свое богатство. Однако купцы привыкли оберегать частную жизнь, состояние от глаз простых обывателей. Поэтому они и вынуждены говорить с завистью о подобных поступках Паратова, себе же не позволяют «в неурочное время» открыто насладиться дорогим шампанским [Ларин, 2009].

3. Пистолет

Именно в контексте силы, власти, авторитета воспринимает оружие и Лариса Огудалова. Знаменательно, что, желая убедить своего жениха Карандышева в безусловном превосходстве Паратова, она вспоминает впол-

не конкретный случай, произошедший в их доме: «Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок <...> Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. “Стреляйте”, — говорит. <...> Стрелял (офицер. — Д. Ф., С. Л.) и, разумеется, сшиб стакан, но только поблднел немного. Сергей Сергеич говорит: “Вы прекрасно стреляете, но вы поблднели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не поблднею”. Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее» [Островский, т. 5, с. 22].

Этот эпизод стоит рассмотреть подробнее. Очевидно, что свои навыки хорошего стрелка Паратов использует, чтобы производить впечатление на чувствительных провинциальных барышень и держать в страхе мужчин (мотив, который будет усилен в самой известной экранизации «Бесприданницы» — фильме Э. А. Рязанова «Жестокий романс», во многом повлиявшем на восприятие этой драмы, особенно неподготовленным читателем / зрителем [Журавлева и др., 1986]). О своих принципах герой открыто говорит во время ссоры с Карандышевым: «У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут» [Островский, т. 5, с. 45]. Однако он, как и обещал Огудаловым, не станет вызывать Карандышева «на дуэль», а с помощью Робинзона *порядочно подстроит* своего соперника, обратившись к методам, явно позаимствованным у самых настоящих мошенников, готовых для достижения своих целей на любые неблагоприятные поступки [Ларин, 2006].

Обращает на себя внимание, что Паратов в рассматриваемой сцене не допускает даже мысли об отказе кого-то из участников, не предоставляет им права выбора. И офицер, и Лариса оказываются заложниками ситуации. Отказаться — значит для офицера подвергнуть сомнению репутацию военного человека и «отличного» стрелка, пасть в глазах общества. Эту же тактику Паратов попытается использовать и во время конфликта с Карандышевым.

Учитывая состояние Ларисы, можно предположить, что она плохо понимала в тот момент, что происходит [Филатова и др., 2018]. Паратов для Ларисы — «идеал» [Костелянец, 2007, с. 423, 459—460], почти Бог, и пожертвовать собой, погибнуть от его пули, было для нее вполне естественным. Неслучайно Лариса не только не позволяет Карандышеву критиковать Паратова, но и вообще отказывается обсуждать его поведение, заранее оправдывая любой поступок: «Я боюсь и не смею осуждать его» [Островский, т. 5, с. 21]. И эта «очарованность», идолопоклонство во многом и станет одной из главных причин ее гибели.

Если в начале пьесы герои лишь рассуждают о традиции стрелять из пушки, сообщая о приезде или отбытии Паратова, то «по-настоящему» пушка выстрелит только однажды, в момент решительного объяснения Карандышева и Ларисы (в 4 явлении 1 действия), после признания героини в том, что она не любит своего жениха и в любой момент готова вернуться к Паратову, хотя и не надеется когда-нибудь с ним увидеться.

Островский прямо не говорит, что, услышав выстрел, Лариса сразу же вспоминает о Паратове (именно так толкуют эту сцену большинство ученых [Отрадин, 1988, с. 231]). Однако очевидно, что Лариса подумала в первую очередь все же о Паратове. Ведь стрельба из пушки устойчиво связывается для жителей Бряхимова именно с его именем, да и, отвечая на вопрос-восклицание Ларисы, Карандышев — как будто специально подогревая интерес своей невесты — наивно заметит: «Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют» [Островский, т. 5, с. 23]. Неслучайно, услышав выстрел, Лариса начинает проявлять беспокойство и даже теряет над собой контроль, обнаруживая признаки суицидального поведения: «Ах, как я испугалась! <...> У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться? <...> Подождите немного. (*Смотрит вниз.*) Ай, ай! держите меня!» [Островский, т. 5, с. 23]. Так, связанное с Паратовым оружие провоцирует напряжение между героями, создает особую ситуацию, единственным выходом из которой впоследствии станет гибель главной героини.

4. Пистолет, кинжал, топор

Закономерно, что, став женихом, Карандышев тоже заведет у себя в доме оружие — *тульские пистолеты и кинжалы* (о чем читатель и зритель еще в начале пьесы узнает от Вожеватова). Однако отношение к оружию у Карандышева совершенно иное, чем у «благородного» барина Паратова. И, кроме того, герой (а в списке действующих лиц он назван «молодым человеком» [Островский, т. 5, с. 8]) совершенно не владеет тем арсеналом коммуникативных средств [Филатова и др., 2018], которые используют самые *известные люди* Бряхимова, в чье общество ему так хочется попасть.

Поэтому неудивительно, что оружие Карандышева никого не пугает (герой не использует его символический потенциал), а, наоборот, лишь становится очередным поводом для насмешек: «Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут. <...> Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись» [Островский, т. 5, с. 54].

Если язык, на котором общаются «знатные» бряхимовцы, почти не доступен для Карандышева, то его цели и намерения для них совершенно открыты, вызывают крайнее раздражение и желание наказать заносчивого выскочку-чиновника. Характерно, что вполне адекватно понимает намеки Карандышева и его — пусть и не совсем серьезные, не совсем настоящие — угрозы Паратов. Ведь подобное поведение способно подорвать безусловный авторитет «барина», основанный на страхе стать жертвой его мести.

Поэтому в первую очередь Паратов и старается высмеять и «обезоружить» своего противника, заявляя, что заряженный пистолет Карандышева «пригодиться может», только чтобы «в стену гвозди вколачивать» [Островский, т. 5, с. 54]. Более того, Паратов «разрешает» Карандышеву *стрелять* в него «в пяти шагах», хотя, как хороший стрелок, он должен был бы осознавать всю опасность своего предложения. Ведь из этого пистолета позже будет застрелена Лариса. Вероятно, как и в случае с кавказским офицером, Паратов пытается спровоцировать уже изрядно захмелевшего Карандышева на необдуманный поступок и рассчитывает в очередной раз продемонстрировать собственную меткость.

Однако, действительно, плохо разбирающийся в оружии, по словам Вожеватова, никогда не бравший в руки даже охотничьего ружья, Карандышев оценивает свой пистолет иначе: это не игрушка, не то, к чему можно относиться легкомысленно, — скорее способ обрести уверенность, почувствовать себя в безопасности [Мартьянова, 2005]: «Ну нет-с, и этот пистолет пригодиться может» [Островский, т. 5, с. 54].

Закономерно, что, желая заявить о своих амбициях и составить конкуренцию Паратову, Карандышев прибегает к оружию гораздо раньше, когда еще никто в доме Огудаловых его не воспринимает всерьез, когда «его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме» [Островский, т. 5, с. 15]. Причем появляется Карандышев с оружием, которое не могло не напугать «чистую» публику, вызывая самые тревожные, самые «революционные» ассоциации. Так, по рассказам Вожеватова, Карандышев однажды явился на «костюмированный вечер» в доме Огудаловых в костюме разбойника, «взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича» [Островский, т. 5, с. 16].

Но эта столь решительная, пусть и буффонадная демонстрация силы [Славянские древности, 2012, с. 290] — в то время как в доме Огудаловых «царствовал» Паратов — была совершенно неуместна, поэтому и заканчивается для героя печально: «Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!» [Островский, т. 5, с. 16]. Однако Островский еще

в начале пьесы намекает на то, что у Карандышева решительный характер и он способен на необдуманные, импульсивные поступки: в его доме вместе с пистолетами появляются и «кинжалы» — оружие в пьесах драматурга экзотическое (помимо «Бесприданницы», нигде больше не встречающееся) и вызывающее ассоциации с поступком кавказского князя — мужа одной из сестер Ларисы, «по слухам», из ревности зарезавшего супругу по дороге на Кавказ.

Убедившись, что провокация не сработала и Карандышев не готов «выступить в роли» кавказского офицера, Паратов «бросает пистолет на стол» [Островский, т. 5, с. 54], как бы отказываясь от использования оружия в борьбе с соперником. Но именно этот пистолет «схватывает со стола» [Островский, т. 5, с. 66] Карандышев, когда решит мстить всем, кто, как ему кажется, оскорбил его, похитил невесту. Бросив пистолет, Паратов как будто бы передает эстафету, и Карандышеву будет суждено закончить то, что начал «блестящий барин», — в финале драмы выстрел обрывает жизнь Ларисы Огудаловой.

Используя оружейный мотив, Островский словно говорит читателю, что в убийстве Ларисы виновен не только Карандышев, который — под влиянием охвативших его ревности, отчаянья, гнева — нажал на курок и произвел роковой выстрел, но и Паратов, «вложивший» пистолет в руку своего противника и преемника. Ведь все, что делал Паратов с Ларисой, постепенно нарушало ее душевное равновесие, внушало героине суицидальные мысли, подталкивало ее к смерти. Знаменательно, что еще во время соревнования-«дуэли» с офицером Паратов, по словам Ларисы, говорил, что собирается *стрелять* не в монету, а «в девушку», которая ее держит.

К концу пьесы становится очевидно, что Карандышев не хладнокровный и расчетливый убийца, который легко может переступить через чужую жизнь, как Паратов. И хотя, выстрелив в Ларису, он, казалось бы, должен был удовлетворить свое чувство мести, доказать свое превосходство, лишив врагов их любимой «игрушки», финал пьесы трагичен [Немцев, 2005, с. 114].

Сразу же после выстрела Карандышева охватывает отчаяние. Он понимает, что утратил все, к чему так настойчиво стремился, понимает, что потерял шанс изменить свою жизнь. Ведь, как показывает нам Островский, бедному, маленькому, «смешному» человеку даже оружие не может помочь обрести свое подлинное «я», даже оружие не способно дать то, чего он лишен «по праву» своего рождения.

5. Заключение

Итак, рассмотрев функционирование оружейных мотивов в драме Островского «Бесприданница», мы обнаружили, что они связаны не только с финальным событием — гибелью Ларисы Огудаловой, которая будет застрелена ревнивым женихом, но и с ключевыми персонажами пьесы Карандышевым и Паратовым. «Пистолет» в пьесе несколько раз меняет своего «владельца» и, оказавшись в руках на первый взгляд вполне безобидного Карандышева, становится грозным оружием, оборвавшим жизнь главной героини, которая, как подчеркивает Островский, сама ускорила свою гибель.

Таким образом, анализ оружейных мотивов в драме «Бесприданница» позволяет значительно углубить существующее на данный момент представление о поэтике и характерологии одного из самых известных произведений Островского.

Источники

1. *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений в 12 томах / А. Н. Островский. — Москва : Искусство, 1975. — Т. 3. — 560 с. — Т. 5. — 548 с.

Литература

1. *Андреев М. Л.* Метасюжет в театре Островского / М. Л. Андреев. — Москва : РГГУ, 1995. — 28 с.

2. *Журавлева А. И.* Театр А. Н. Островского : книга для учителя / А. И. Журавлева, В. Н. Некрасов. — Москва : Просвещение, 1986. — 205 с.

3. *Кислова Л. С.* «Провинциальная Кармен» : традиции А. Н. Островского в пьесе Л. Разумовской «Майя» / Л. С. Кислова // Вестник Тюменского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 13—18.

4. *Костелянец Б. О.* Драма и действие : лекции по теории драмы / Б. О. Костелянец. — Москва : Совпадение, 2007. — 504 с.

5. *Ларин С. А.* Алкогольный код в романе И. А. Гончарова «Обломов» / С. А. Ларин // Литература XI—XXI вв. : национально-художественное мышление и картина мира. — Ульяновск : УлГТУ, 2006. — С. 365—371.

6. *Ларин С. А.* «И сон, и квас, и русская речь...» (К функции гастрономической семантики в романе И. А. Гончарова «Обломов») / С. А. Ларин // Аспекты литературной антропологии и характерологии. — Воронеж : Воронежский государственный университет ; Издательский дом Алейниковых, 2009. — С. 149—158.

7. *Мартыанова С. А.* Ценностные установки и формы поведения персонажей «Бесприданницы» А. Н. Островского в соотнесенности с жанром пьесы / С. А. Мартыанова // Русская словесность. — 2005. — № 2. — С. 4—12.

8. *Мильдон В. И.* Философия русской драмы : мир Островского / В. И. Мильдон. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 240 с.

9. *Немцев В. И.* Женихи бесприданницы, или наследие Кнурова / В. И. Немцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3. — С. 107—118.

10. *Отрадин М. В.* «Бесприданница» А. Н. Островского / М. В. Отрадин // Анализ драматического произведения : межвузовский сборник. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1988. — С. 226—243.

11. *Ревякин А. И.* Искусство драматургии А. Н. Островского / А. И. Ревякин. — Москва : Просвещение, 1974. — 334 с.

12. *Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого.* — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 5. — 2012. — 736 с.

13. *Филатова Д. А.* «В цыганском таборе...» : мать и дочь в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» / Д. А. Филатова, С. А. Ларин // Казанская наука. — 2018. — № 4. — С. 25—27.

14. *Холодов Е. Г.* Мастерство Островского / Е. Г. Холодов. — Москва : Искусство, 1967. — 543 с.

15. *Штейн А. Л.* Мастер русской драмы : этюды о творчестве Островского / А. Л. Штейн. — Москва : Советский писатель, 1973. — 432 с.

Gun, pistol and daggers in the drama of A. N. Ostrovsky “The Dowerless Bride”

© **Filatova Darya Alexandrovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-2399-7451, Master of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University (Voronezh, Russia), filatova-darya2004@yandex.ru.

© **Larin Sergey Alekseevich (2018)**, orcid.org/0000-0002-2810-3509, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University (Voronezh, Russia), larin-s@yandex.ru.

The complex of “weapon” motives in the Ostrovsky drama “The Dowerless Bride” is considered. The relevance of the study is due to the lack of works that reveal the semantics of these elements of the playwright’s artistic world. The novelty of the study is seen in the fact that the weapon motives in the play “The Dowerless Bride” are analyzed systematically, taking into account their functioning in other texts of Ostrovsky. Particular attention is paid to the episodes of the play, in which the weapons motives are presented most concentrated and directly included in the development of the main plot — unhappy love and the death of the main character. In the course of the study, it was found that most of the motives considered in the drama have a unique semantics and are not found in other works of Ostrovsky. As the analysis of the drama “The Dowerless Bride” showed, the key characters in the play, guilty of the death of Larissa Ogudalova, are simultaneously conjoined with several weapon motives: Paratov — gun and pistol, Karandyshev — ax, pistol, dagger, and the final gesture of the heroine who picked up the pistol thrown by her killer, — a sign of her involvement in her own death, an indication of her willingness to

share responsibility. The authors come to the conclusion that the interpretation of weapon motives makes it possible to significantly expand the existing understanding of the poetics and characterology of one of Ostrovsky's most famous plays.

Key words: Ostrovsky; dramaturgy; "The Dowerless Bride"; the motive of the weapon; pistol; dagger; murder; suicidal behavior.

Material resources

Ostrovskiy, A. N. (1975). *Polnoye sobraniye sochineniy v 12 tomakh*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).

References

- Andreyev, M. L. (1995). *Metasyuzhet v teatre Ostrovskogo*. Moskva: RGGU. (In Russ.).
- Kholodov, E. G. (1967). *Masterstvo Ostrovskogo*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Kislova, L. S. (2011). «Provintsialnaya Karmen»: traditsii A. N. Ostrovskogo v pyese L. Razumovskoy «Mayya». *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 13—18. (In Russ.).
- Kostelyanets, B. O. (2007). *Drama i deystviye: leksii po teorii dramy*. Moskva: Sovpadeniye. (In Russ.).
- Larin, S. A. (2006). Alkoholnyy kod v romane I. A. Goncharova «Oblomov». In: *Literatura XI—XXI: natsionalno-khudozhestvennoye myshleniye i kartina mira*. Ulyanovsk: UIGTU. 365—371. (In Russ.).
- Larin, S. A. (2009). «I son, i kvas, i russkaya rech...» (K funktsii gastronomicheskoy semantiki v romane I. A. Goncharova «Oblomov»). In: *Aspekty literaturnoy antropologii i kharakterologii*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet; Izdatelskiy dom Aleynikovykh. 149—158. (In Russ.).
- Martyanova, S. A. (2005). Tsennostnyye ustanovki i formy povedeniya personazhey «Bespridannitsy» A. N. Ostrovskogo v sootnesennosti s zhanrom pyesy. *Russkaya slovesnost'*, 2: 4—12. (In Russ.).
- Mildon, V. I. (2007). *Filosofiya russkoy dramy: mir Ostrovskogo*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Nemtsev, V. I. (2005). Zhenikhi bespridannitsy, ili nasledie Knurova. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3: 107—118. (In Russ.).
- Otradin, M. V. (1988). «Bespridannitsa» A. N. Ostrovskogo. In: *Analiz dramaticheskogo proizvedeniya*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 226—243. (In Russ.).
- Revyakin, A. I. (1974). *Iskusstvo dramaturgii A. N. Ostrovskogo*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (ed.). (2012). Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 5. (In Russ.).
- Filatova, D. A., Larin, S. A. (2018). «V tsyganskom tabore...»: mat' i doch v pyese A. N. Ostrovskogo «Bespridannitsa». *Kazanskaya nauka*, 4: 25—27. (In Russ.).
- Shteyn, A. L. (1973). *Master russkoy dramy: etyudy o tvorchestve Ostrovskogo*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
- Zhuravleva, A. I., Nekrasov, V. N. (1986). *Teatr A. N. Ostrovskogo: kniga dlya uchitelya*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).